

Презрение и нежность

Известия - 2000 - 17 янв - 46.

Отар Иоселиани показал в Москве свой новый фильм

Юрий БОГОМОЛОВ

Премьерный показ фильма «In vino veritas» («Истина в вине») состоялся в рамках прошлогоднего Каннского фестиваля. Тогда автор дал подробное интервью «Известиям» (2 июня 1999 г.), где обстоятельно рассказал о своей последней картине. Теперь она достигла Москвы, где была представлена сначала в Доме кинематографистов, а следом и в Доме литераторов. Оба раза имела успех и, стало быть, достойна отдельного разговора.

Напомним читателю, что в оригинале картина, снятая во Франции и на французские деньги, имеет непере译ваемое французское название: «Adieu, plancher des vaches!». Точнее, трудно и, главное, долго переводимое. Если дословно, то «Прощай, коровник!». Но в данном случае надо принять во внимание, что фраза эта была некогда любимым приложением пиратов. Перед тем как пуститься в очередное уголовно-романтическое приключение, они ее адресовали тверди. В ней звучали одновременно и нежность, и презрение к той обыденной жизни, что оставалась за бортом пиратского корабля.

Посмотрев картину, понимаешь, насколько точно именно французское ее название.

«Коровник» по имени «Франция» вышел у Иоселиани милым.

Он тесен как мир; тривиален как мир. Наконец, он разнообразен как мир. Сюжетная конструкция сама по себе не особенно значаща. Молодой человек из хорошего дома благоволил девушке из дешевого бара, а она предпочитает парня без определенных занятий, который предпочитает всех прочих девушек без особого разбора.

Мама едва терпит папу, который ищет истину в вине. Мама ее находит в делах и заботах. Еще — в бесконечных разговорах по мобильнику и перелетах на личном вертолете. Многочисленные детиски упражняются в музыке и верховой езде, за ними присматривают многочисленные слуги.

Слуги — тоже люди; у них и пристрастия, и амбиции, и пороки, и все прочее. Бездомные упражняются в безделье; беспутные — в сравнительно гуманных способах отъема денег у путевых... Дедушка-ветеринар лечит козочек, его внучек выводит гаммы на скрипке. Принц мочет стекла магазинов, нищий в замке тянет отменное бургундское... Нашлось место в этом «коровнике» и для русских жлобов — они слоняются в поисках покупателя икон. Заработав на святом, экономят на часиках...

Странно, что такое хаотичное, бессвязное, бессистемное нагромождение персонажей, обстоятельств и поступков каким-то чудом в конце концов преоб-

разуется в нечто гармоничное и симметричное. И в бесконечно поэтичное. Это эксклюзивный аттракцион Отара Иоселиани.

Собственно, он его нам уже не однажды демонстрировал — и в «Певчем дрозде», и в «Пасторали», и в «Охоте на бабочек». Всякий раз удивляешься, как все связано, пригнано, обусловлено в этом абсурднейшем из миров. Человек, не глядя, протянул руку — и в руке нужная вещь; сделал шаг в пропасть, а под ногой ступенька; повернулся — и навстречу ему тот, кого он искал; за дверью — выходной костюм, в помойке — гапстук, за поворотом — девушка, которой он назначил свидание, у берега — на приколе яхта, где они уединятся... Жизнь течет как бы сама собой, но строго по расписанию, со всеми предусмотренными остановками. Она одновременно произвольна и обусловлена.

В «Певчем дрозде» был образ, который все объяснял, — часовой механизм. В последних кадрах, когда уже герой погиб — его переехала машина на перекрестке, — мастер-часовщик открывает крышку карманных часов. Мы видим скопище шестеренок. Мастер что-то поправляет в механизме, и они зашевелились, замотались туда-сюда, тик-так, тик-так. План укрупняется — копец, который возвращается к началу и смыслу картины.

Жизнь секундной, минутной и часовой стрелок подобна жизни людей. Те и другие обречены бегать по кругу. Зато между рисками на циферблате есть небольшое пространство, внутри которого каждый может позволить себе роскошь поимпровизировать — замедлить прыжок, остановиться, оглянуться, выпить, спеть а капелла. Жизнь при этом приобретает дополнительный азарт — не опоздать бы... Гиви, будучи, как и все, в плену у циферблата, спешит не спеша. В назначенное время в условленном месте встречается с приятелями, поет с друзьями, заскакивает к маме на день рождения и, наконец, вовремя ударяет в литавры. Зрители взрываются аплодисментами, благодарят то ли артистов за вдохновенное искусство, то ли непосредственно литавриста за то, что не опоздал, успел и вовремя пересек контрольную отметку.

«Певчий дрозд» — картина, снятая при советской власти. Герой существовал внутри советского абсурдизма. И спасался опять же импровизацией. Тогда проблема была не в том, чтобы выпить побольше и найти таким образом истину в вине. Но в том, чтобы найти истинное вино. И в том, разумеется, чтобы сделать истинное вино — см. «Листопад». И тогда твердь была коровником. И тогда она вызывала к себе презрение — но и нежность.

Глядя последнюю картину Иоселиани, понимаешь, как много воды утекло, как много вина выпито. За окном другая реальность — не советская, а буржуазная. И снова заданная, предопределенная.

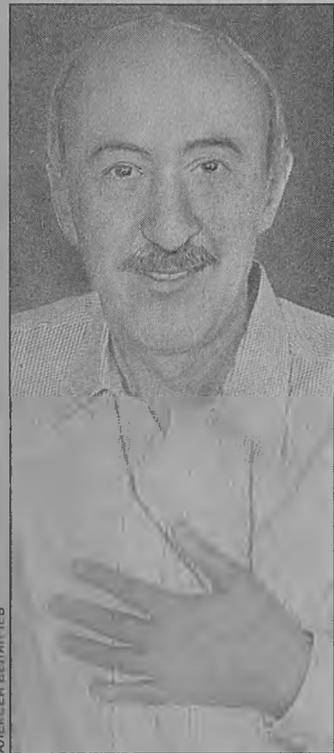
Теперь назойливым образом бытия стала игрушечная железная дорога. По кругу бежит уже не секундная стрелка, а поезд во главе с локомотивом. Тупо поглядывающий на нее герой Иоселиани сильно постарел (он его сам и играет). Он больше не легкорылый дрозд Гиви, а скорее диковинная птица марабу, заключенная в богатый дом, как в клетку. Марабу на экране имеется.

Марабу — птица не певчая. Она неприкаянно и молча ходит по дому, сутулая, нелепая... Как хозяин дома. И лишь изредка расправляет крылья — и тогда делается на удивление гордой и красивой.

В финале хозяин дома расправляет свои крылья — он покидает коровник и уходит в открытое море под парусом.

Коровник в эту минуту необычайно красив: беселье склоны гор, тонущие в воде. Мир, который считался столь тесным, оказалась таким просторным.

«Adieu, plancher des vaches!» — самый французский фильм Отара Иоселиани. Он же — и самый грузинский его фильм. Это земное кино — и вместе с тем кино философическое. У Иоселиани

АЛЕКСЕЙ БЕЛИНГЕР

Кинорежиссер Отар Иоселиани

своеобразные отношения с Вечностью. Не столь драматично-напряженные, как, скажем, у Андрея Тарковского. Герой Иоселиани у Времени не в плену, а в гостях. Но он и в гостях как дома.

Сам Иоселиани уже за пределами своего фильма объяснился на сей счет следующим образом: «Человек в этот мир приходит с большими надеждами, но очень скоро понимает, что все плохо кончится». Оттого и нежность к этому коровнику, и презрение к нему.